

УДК 80+821.161.1

РЯЗАНСКИЕ БИТВЫ В ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

И.В. Денисова

Аннотация

В статье проанализировано художественное воспроизведение рязанских сражений в летописной традиции Древней Руси. Даны сопоставительные характеристики битв 1365, 1378 и 1408 гг. в общерусских сводах, разных по времени и месту составления. Выявлен ряд поэтических особенностей рязанского летописания: расширение воинских формул, экспрессивность повествования, усложнение синтаксических конструкций и т. п. Показано, что анализ рассматриваемых текстов подтверждает существование Рязанской летописи, не дошедшей до наших дней.

Ключевые слова: древнерусская литература, летописная поэтика, мировоззрение книжника Древней Руси, общерусские летописи, рязанское летописание.

Введение

Древнерусские летописи насыщены описаниями событий политического и социального характера. Однако доминирующую их часть составляют военные столкновения с внешним врагом или борьба за власть внутри княжеств. Не стало исключением и рязанское летописание, о факте существования которого спорили и продолжают спорить исследователи [1, с. 8–14; 2, с. 42–58; 3, с. 33]. Поскольку рукописи местных летописей не дошли до нашего времени, историко-летописные известия о городе и прилегающих к нему территориях чаще всего восстанавливаются по общерусским летописным сводам XIII – XVI вв. Особый интерес вызывает представленная на их страницах военная тематика, прежде всего связанная с наиболее значимыми или чем-либо запоминающимися битвами. Их исторический облик зачастую обусловлен той художественно-поэтической версией, которую создали «списатели» летописных повестей русского Средневековья.

В истории широко известны рязанские кровопролитные сражения периода раннего Средневековья: жестокое междоусобное побоище в селе Исады (1217), разорение Рязани Батыем (1237), битва на реке Лопасня (1353) и др. Но в Рязанском княжестве были и другие, не менее драматичные события, отмеченные современниками и потомками: сражение под Шишевским лесом (1365), битвы на реках Воже (1378) и Смядве (1408). Они произошли в центре Рязанского княжества в разгар рязанско-московского противостояния и хорошо представлены в тексте Никоновского летописного свода, прорязанская направленность которого не раз подчёркивалась отечественными медиевистами [4, с. 87–93; 1, с. 20–33]. Именно их летописно-художественное воспроизведение стало предметом изучения в настоящей статье.

Рассматриваемые описания стражений интересны проникновенным и искренним отношением к Рязанской земле, чётко обозначенной авторской позицией, литературно-художественной подачей исторического материала (прорисовка деталей, точное указание географического положения и обстоятельств произошедшего и пр.), что и объединило их в рамках данной исследовательской работы. Эти отличительные черты наиболее ярко прослеживаются в Никоновском своде, остальные общерусские исторические повествования даются в сравнении с ним.

1. Битва под Шишевским лесом (1365)

Целый ряд летописей XV – XVI вв. рассказывают о неожиданном нападении в 1365 (6873) г. «ордынского князя» Тагая (золотоордынского бека, скончавшегося в 1369 г.) с татарами и мордвой на Рязань и её разграблении: *Того же лета Тагай князь Ординский... въсхоте воевати Русь, и собрався со всею силою своею и со всею страню Наручадскою, и поиде ратью многою на Рязаньскую землю; и прииде тайно и безвестно на Рязань, и взя град Переславль Рязаньский и сожже, и около его плени вся власти и села, и много полона взят, и тако по малу подвижеса, с многою тягостию иде в поле* (Ник., с. 5–6). Когда обременённые добычей победители возвращались назад, их настигло рязанское войско под предводительством князя Олега Ивановича с Владимиром Пронским и Титом Козельским, решительно выступившими в ответный поход. После непродолжительной битвы под Шишевским лесом на реке Воине в пределах Рязанского княжества рязанцы одержали победу, Тагай с немногими людьми спасся бегством [5, с. 107].

Эта битва была значима для современников и последующей истории княжества, поскольку она стала одним из последних свидетельств союза рязанского и пронского правителей. Нарушен он был уже в 70-х годах XIV в., отсюда такое внимание к Шишевской битве в историческом повествовании. Софийская I старшего извода (XV в.), Львовская (XVI в.) и Воскресенская (XVI в.) летописи в рамках краткого рассказа повествуют о нападении татар на Рязань, не локализуя места сражения и не указывая в качестве участника Тита Козельского. Книжники явно симпатизируют рязанцам, оговаривая необходимость Божьей воли в их победе: *И поможет богъ князю Олгу и князю Володимеру, в малъ Тягаи утече в Наручадь* (Соф., с. 436). Ермолинская летопись (конец XV в.) приводит пространную погодную запись: *Тое же осени прииде князь Тагаи изъ Наручади взяти Переславль Рязаньски, пожегъ и поиде; князь же Олегъ с Володимеромъ Пронскимъ, его угонивше, бивше его, а самъ утече в Наручади* (Ерм., с. 153). Отсутствие деталей битвы и географических наименований, неточные сведения об участниках свидетельствуют о возможной летописной фиксации этого известия вдали от Рязанской земли.

Самое подробное описание читается в Симеоновском (конец XV в.) и Никоновском (XVI в.) сводах в составе пространного летописного рассказа, и лишь эти источники именуют Олега Рязанского *великим князем*. В Симеоновской летописи текст отмечен киноварным заглавием «*Побишиа князи рязанстии татар*», что указывает на проявившийся в оформлении текста интерес автора или редактора свода к событиям, происходившим в пределах Рязанского княжества.

Только Никоновский свод приводит предысторию сражения: *Того же лета Тагай князь Ординский, иже по разрушении Ординском прииде в Наручад и тамо сам о себе княжаше, в Наручадской стране, и потом въсхоте воевати Русь* (Ник., с. 5). «Списатель» имеет в виду ряд разрушительных походов Тагая, временно приостановленных его утверждением в *Мордовской стране Наровчате* и закончившихся поражением под Рязанью.

Никоновская и Симеоновская летописи чётко локализируют место битвы *под Шишевским лесом, на Войне*, Рогожский летописец (первая половина XV в.), сообщая о случившемся в рамках краткого летописного рассказа, вместо точного географического обозначения битвы содержит пропуск в тексте, что говорит об использовании им того же протографа, возможно, утерянной Рязанской летописи. Скорее всего, книжник не разобрал написанное в источнике и оставил место для того, чтобы затем уточнить, либо он писал со слов очевидца и не запомнил рязанские наименования.

А.Г. Кузьмин обратил внимание на появление в ряде летописей имени Тита Козельского, который на самом деле являлся Карачевским князем, а Козельским был его сын Иван – зять Олега Ивановича, вероятно, находившийся под его влиянием [1, с. 211–212]. Скорее всего, автор рассказа, рязанец, хорошо знал сына, потому также титуловал и отца. Вот ещё одна деталь, указывающая, возможно, на рязанское происхождение текста: *Тагай въсхоте воевати Русь* (Ник., с. 5), а идёт напрямую к Рязанской земле, которая в представлении книжника воспринимается форпостом русских земель. Идея «главенства» князя в государстве была чрезвычайно актуальна для литературы того времени – и для летописных, и для историко-документальных, и для публицистических текстов [6, с. 281–292; 7; 2, с. 68].

Никоновская, а вслед за ней и Симеоновская летописи изобилуют деталями, причём большей частью психологического характера, эмоционально-экспрессивно выраженными: *Гордый Ординский князь Тагай, иже Наручадской стране дръжателъ, во страсе и в трепете мнозе быв и недоумевся, что сътворити, видя всех своих Татар избиеных, и тако рыдаа и плача и лице одираа от многа скорби, и едва в мале дружине убежа* (Ник., с. 6). Лишь сочувствующий происходящему очевидец мог так подробно описать бегство татарского хана с поля боя. В тексте Никоновской летописи проявляются особенности эмоционально-экспрессивного стиля, встречающегося в литературе с конца XIV в., что подтверждает выводы современных исследователей [4, с. 37; 8; 9; 10, с. 71] о стилевой специфике свода, воплотившего черты «второго монументализма» XVI в.: «Экспрессивный стиль в литературе сталкивается со стилем сдержанным и умиротворённым, отнюдь не шумным и возбуждённым, но не менее психологичным, вскрывающим внутреннюю жизнь действующих лиц, полных эмоциональности, но эмоциональности сдержанной и глубокой» [11, с. 162].

В тексте Никоновской (и совпадающей с ней в данном эпизоде Симеоновской), а также в Софийской I и Воскресенской летописях, Рогожском летописце описание битвы насыщено воинскими формулами: *и бысть им бой и брань зело люта и сеча зла* (Ник., с. 5); *и бысть имъ велика сѣча* (Соф., с. 436); *и бысть межи ими сеча зла* (Воскр., с. 28); *и бысть имъ бои, брань люта и сеча зла* (Р.Тв., с. 76). Отметим, что в «Повести временных лет» и других летописях

южнорусской традиции эпитеты употреблялись в укороченном варианте *бысть сеча зла, бысть брань люта, люто бо бе бой*. Н.В. Трофимова, анализируя эволюцию и становление воинских формул начала битвы и рассуждая о расширении формулы (*брань крепка зело и сеча зла*), отмечает: «Соединение, причём с усилением эпитета в первом варианте формулы при помощи наречия, безусловно, говорит о желании летописца усилить экспрессию» [12, с. 72].

В случае с Никоновской летописью (*и бысть им бой и брань зело люта и сеча зла*) и Рогожским летописцем (*и бысть имъ бой, брань люта и сеча зла*) мы имеем ещё более расширенный вариант формулы, свойственный общерусским сводам XV – XVI вв. Экспрессивность повествования, граничащая с эмоциональной оценкой происходящего и характерная для манеры книжника стиля «второго монументализма» XVI в., позволяет оценить его как очевидца, современника описываемых событий. В случае с Рогожским летописцем можно предположить использование «писателем» в качестве протографа Симеоновской или Никоновской летописи, которые, в свою очередь, пользовались Рязанским сводом. Это подтверждают и наблюдения Я.С. Лурье [13, с. 154], А.Н. Насонова [10, с. 189].

Таким образом, «рязанский» текст в пространном рассказе о битве под Шишевским лесом на реке Воине, подробная редакция которого содержится в Симеоновской и Никоновской летописях, вероятнее всего, принадлежит рязанцу. Летописная интерпретация этого события интересна стиливым наполнением и художественными особенностями. Для книжников того времени событие примечательно внезапностью нападения и поведением рязанского князя и его союзников, сумевших быстро вернуть пленённых горожан и утерянные земли. Об этом свидетельствует предыстория прихода Тагая на Рязань, детали описания битвы, точная локализация сражения, ошибка в именовании Карачевского князя Тита Козельским, экспрессивное расширение воинской формулы. Другие своды с различной степенью точности воспроизвели текст Рязанской летописи по общерусским источникам.

2. Битва на реке Воже (1378)

11 августа 1378 (6886) г. произошла ещё одна битва, предвестница Куликовской победы, описание которой также содержит множество деталей. Мамай (темник Золотой Орды в 1361–1380 гг.) отправил мурзу Бегича на Дмитрия Донского и его союзника Олега Рязанского. Московский князь поспешил к нему навстречу, бой между ними состоялся на берегу реки Вожи, татары потерпели поражение. Повесть об этих событиях прочитывается во всех общерусских сводах XIII – XVI вв. с разной степенью подробности. Самая полная редакция содержится в Никоновской и тождественной ей в этом эпизоде Симеоновской летописи, как и в предыдущем случае, имеющей киноарное заглавие: «*О побоищи на реце на воже въ рязанскои земли*».

Помимо подробных деталей (*въ силе тяжце, и переехав за Оку; стояху, промежу собою реку имуце; Татарове переехаша на сю сторону и удариша въ кони свои, и искочиша вборзе, и нюкнуша гласы своими, и поидоша на грунахъ, и ткнуша на нашихъ* (Сим., с. 184)) и перечня убитых князей и ордынцев летописи дополняют повествование о битве рассказом о повторном неожиданном нападении Мамаю с сохранившимися в живых воинами *той же осени* на Рязанскую

землю. Князь Олег Иванович не был готов к сражению и бежал со своей семьёй на противоположную сторону Оки. *Татарове же пришедше и градъ Переяславль и прочии грады взяша, и огнемъ пожгоша, и волости и села повоеваша, а людеи много посекоша, а инья въ полонъ поведоша, и възвратишася въ страну свою, много зла сътворивше земли Рязанскои* (Сим., с. 184).

Согласно исследованиям историков, разорения были настолько сильными, что жители Рязанского княжества вынуждены были селиться «как в необитаемом краю и строить новые хижины» [5, с. 184]. Данный факт истории, безусловно, связан с его летописной интерпретацией. Неслучайно книжник снова использует однородный ряд глаголов, в финале которого стоят обобщающие слова, содержащие ключевое значение всего известия: *много зла сътворивше земли Рязанскои*. Сочетание двух фактов – исторического и стиливого – позволяет не только представить себе масштабы разорения княжества, но и понять чувства «писателя», сочувствующего уничтоженному городу. В воинской повести информативного типа, читаемой в Симеоновской и Никоновской летописях, часты перечисления: *Татарове же... повергоша копыя своя и побегоша за реку за Вождю, а наши после за ними, бьючи ихъ и секучи и колючи, и убиша ихъ множество; Князь... погнаша ихъ убежавшихъ далече, обретоша бо въ поле повержены дворы ихъ и шатры ихъ, и вежи ихъ... а самехъ не обретоша* (Сим., с. 184).

«Списатель» неслучайно выстраивает однородный ряд именно таким образом: в каждом ряду последний однородный член является важнейшим по сравнению с остальными, что свидетельствует об особенностях летописного типа литературного творчества более позднего времени, отличного от архаичного типа, представленного в «Повести временных лет», в описаниях которой важнейший предмет или признак стоял на первом месте [14, с. 627]. Мировосприятие и способы выражения мысли летописцев к концу XIV в. изменились, сменилась и семантика перечислений, приблизившись к современному синтаксису.

Рогожский летописец, Софийская I старшего извода, Воскресенская и Львовская летописи говорят о рассматриваемых событиях также в рамках воинской повести информативного типа. Однако дополняют повествование рассказом о пленении во время битвы *некоего попа отъ Орды пришедша Иванова Василиевича и обретоша у него злыхъ зелеи лютыхъ мешок* (Р.Тв., с. 113) (речь идёт о попе сына последнего московского тысяцкого Ивана Васильевича). После упоминания о страшных истязаниях священнослужителя книжник сравнивает его с Даниилом Заточником и говорит об отправке его *на Лаче озеро*. Книжник допускает такое сравнение, поскольку Даниил Заточник упоминается в Симеоновской летописи (1387), где рассказывается о некоем попе, пришедшем из Орды *с мешком зелия* и сосланным Юрием Долгоруким на озеро Лача. Поскольку Даниил Заточник – известная личность в древнерусской литературе, сравнение с ним говорит о большом уважении книжника к герою повествования. В то же время, вероятнее всего, летописец знал, что «Моление Даниила Заточника» написано в качестве похвалы князю с целью скорейшего освобождения из заключения. Возможно, упоминанием об этой полумифической фигуре автор известия хотел сюжетно спрогнозировать рассказ (попу следует поступить таким же образом, и он будет отпущен на свободу). Этот эпизод отсутствует в других

летописях, что может указывать на использование в Рогожском летописце источника, близкого к Рязанской летописи, сохранявшей подобные детали описания.

В Тверской летописи битва на Воже описывается в форме пространного летописного рассказа. Книжник детализирует ход сражения: *И удариша одинъ съ сторону Полоцкий, а (съ) другую Данило, а князь великий въ чело; и приспе вечеръ, они же побержаша, нелзе знати по нихъ, и наутрие мгла бысть* (Р.Тв., с. 433). Однако возникает ощущение, что рассказ писал не очевидец боя: сведения обрывочны, нет эмоционально-оценочных эпитетов, факты сухо констатируются, перечень убитых ограничивается лаконичным перечислением русских воинов. Таким образом, несмотря на принадлежность Рогожского летописца и Тверской летописи одной летописной традиции Тверского княжества, в описании данного эпизода они пользовались разными протографами, создатели которых не были заинтересованы в рязанских событиях. Того же плана Новгородская I летопись младшего извода, которая повествует о рассматриваемой битве в пространной погодной записи: *Того же лета поидоша Татарове на Рускую землю, на князя великаго на Дмитриа; князь же поиде противу ихъ; и бысть на рѣцѣ на Овожи, и ту ся обои полкы съступишася; и пособи богъ князю великому, а Татарове, вдавъ плещи, побѣгоша* (Новг., с. 375). Краткость и сухость повествования также объясняется использованием протографа московского направления какого-либо княжества, отдалённого от Рязанской земли.

Таким образом, битва на реке Воже, сыгравшая важную роль в русско-ордынских отношениях, отразилась в летописании Древней Руси разнопланово. Большинство летописных известий разной жанровой специфики сохранили московскую редакцию, славящую Дмитрия Ивановича Донского и равнодушно повествующую о последовавшем за битвой разорении Рязанской земли. Вместе с тем детали описания и появление в Рогожском летописце упоминания о пленении и ссылке священнослужителя позволяют предположить существование этого эпизода в Рязанской летописи, утерянной ныне. Интерпретация и подача битвы интересна акцентированием внимания на участии в ней москвичей, особую роль, по мнению книжника, играет князь Дмитрий Иванович Донской: благодаря его храбрости и мудрости русское войско и одержало победу.

Для рязанцев битва была значима в первую очередь тем, что произошла в пределах Рязанской земли. Во-вторых, вынужденное бегство князя Олега, последовавшее за разграблением Рязани спустя месяц после боя, придало негативную окраску фигуре рязанского правителя, к которой впоследствии добавилась характеристика предателя за неверную оценку его действий на Куликовской битве¹. Мировосприятие той эпохи и способы выражения мысли летописца, сравнение одного из героев повествования с Даниилом Заточником свидетельствуют об известной эрудиции книжника, его желании передать все обстоятельства произошедшего события, дополнив их собственными наблюдениями.

3. Битвы на реках Осётр и Смядва (1408)

Под 1408 (6916) г. в Никоновской и Тверской летописях помещена летописная воинская повесть информативного типа о междоусобице князей Фёдора

¹ О противоречивости летописно-художественного образа Олега Рязанского подробнее см. [15, 16].

Ольговича Рязанского, заручившегося поддержкой москвичей и коломенцев, и Ивана Владимировича Пронского, увеличившего своё войско за счёт татар. Следует пояснить политическую ситуацию и взаимоотношения Москвы, Рязани и Пронского княжества в начале XV в.

В 1402 г. Пронск возобновляет вражду с Рязанью. Юному пронскому князю Ивану Владимировичу было мало той власти, которой наделил его отец, после смерти Олега Ивановича Рязанского (1402 г.) он отказался от зависимости от рязанских правителей. Рязанский князь Фёдор Ольгович, вступив на престол (1402 г.), налаживает отношения с московскими правителями и Золотой Ордой. Итогом переговоров становится заключение договора между московским князем Василием Дмитриевичем, его братьями Юрием, Андреем, Петром, дядей Владимиром Андреевичем и Фёдором Ольговичем. Согласно договору Василий Дмитриевич является старшим братом рязанскому князю, Юрий, Андрей и Пётр – младшими. Вопросы, касающиеся Золотой Орды, регулируются только под руководством московского правителя, во внутренние дела Рязани московские власти обещают не вмешиваться. Однако отношения с пронским князем оговариваются особо: *А со князем съ Великимъ съ Иваномъ Володимеровичемъ взяти любовь по давнымъ грамотамъ. А если учинится между васъ какая обида, то вамъ послать своихъ бояръ, чтобы разсудили дѣло; а въ чемъ не сойдутся, пусть третій имъ будетъ Митрополитъ; кого Митрополитъ обвинить, тотъ долженъ отдать обидное, а если не отдасть, то я Великий князь Василій Дмитріевич заставлю его исправиться* [5, с. 137]. Вероятнее всего, отношения Москвы и Пронска также не были благополучны, молодой амбициозный князь вызывал подозрения у Василия Дмитриевича Московского.

Битва на реке Осётр (детально описанная только в Тверском сборнике) закончилась поражением Фёдора Ольговича, несмотря на численное превосходство его войска. Основной причиной победы тверской летописец называет Божью помощь: *Мало же бе Пронянь, но Проньский князь възревъ на небо, и рече: “виждь, Боже, и призри на лице правды твоеа, и разсуди прю мою отъ востающихъ на мя”. И рече дружине своей: “потягнемъ, о дружино, яко не хоцетъ Богъ силе констей, ни благоволитъ же въ властехъ мужескихъ; но спасаетъ уповающая на нь”. Проняне же укрепльшися помощию Божию, крепци възрадовашася къ брани, и беша вси яко едино сердца имуща* (Р.Тв., с. 460).

Интересен мотив обращения к небесам, распространённый в древнерусской литературе. В сюжетной организации фрагмента он связан с самым напряжённым моментом повествования, концентрирующим в себе весь драматизм ситуации. Неслучайно книжник придаёт динамизм речи князя, насыщая её глаголами: *виждь, призри, разсуди*. Сюжетная интрига сосредоточена уже в призыве к дружине, надеющейся вместе с князем на Божью милость и спасение. В речи Ивана Владимировича Пронского вновь преобладают глаголы, причём они стоят в особом порядке – по степени проявления могущества Божьей силы: *не хоцетъ, ни благоволитъ, но спасаетъ*. Экспрессия рывка воинов в решающий бой передаётся эпитетом *крепци възрадовашася къ брани*, что подчёркивает энтузиазм воинов (*укрепльшися помощию Божию*). Обращает на себя внимание потрясающее по выразительности сравнение *яко едино сердца имуща* – по стилистике оно близко житийным жанрам, в летописных текстах такие сравнения достаточно редки.

Поэтические особенности фрагмента и тщательно воплощённый драматизм повествования позволяют предположить, что книжник мог быть и автором других текстов, возможно, житийного характера.

Повествование Никоновской летописи несколько отличается от Тверского свода. Битва на реке Осётр подаётся кратко, отмечается, что князь *Иван Володимеричь Проньский, пришедъ с Татары безвестно, великого князя Феодора Ольговича Рязаньскаго, внука Иванова, с Рязани согнал, он же бежа за Оку реку, а князь великы Иван Володимеровичь Пронский сяде на обеих княжеснях* (Ник., с. 203). В этом описании сражения отсутствуют локализация события и обращения пронского князя к Богу и своей дружине. Как упоминалось выше, отношения Рязани и Пронска регламентировались Москвой, поэтому власть Ивана Владимировича Пронского, завладевшего всем Рязанским княжеством, длилась недолго. В том же году Фёдор Ольгович совершил ответный поход при поддержке Василия Дмитриевича, одержал победу и князья помирились.

В этой повести книжник рассказывает и о битве на реке Смядве *месяца июня в 1 день*, соединив оба сражения фразой *таже потом, малу времени мимошедшу* (Ник., с. 203). Тверская летопись датировала столкновение на Смядве оборотом *той же весны* (Р.Тв., с. 460). Среди убитых Тверская летопись называет *Игнатия Жеребцова на суйме, Ивана Дмитриевича* (Р.Тв., с. 460), Никоновский свод включает в этот перечень также *воеводу Коломенскаго, и Михаила Лялина, и Ивана Брынка, и много Коломничъ избиша; Муромскаго же воеводу Семена Жирославичя изымаша* (Ник., с. 203). Неслучайно летописи промосковского направления в перечне убитых называют воеводу коломенского Игнатия Семёновича Жеребцова и воеводу муромского Семёна Жирославича – именно их послал на помощь Фёдору Ольговичу согласно договору, упоминавшемуся выше, Василий Дмитриевич Московский. Дополнения Никоновской летописи относительно списка погибших А.Г. Кузьмин объяснял заимствованием данного летописного известия из рязанского летописца: возможно, эти убитые являлись рязанцами, потому их имён нет в других сводах [1, с. 251].

Основное отличие повествования Никоновской летописи от других сводов заключается в речи помирившихся князей: *Почто диавола тешим всуе и втуне бранимся и кровь христианскую проливаем? Род един есмы, братиа и сродницы, будем в мире и в любви заодин и седим кождо на своих отчинах в соединении и в любви братстей; никтоже в братние пределы не вступайся и брани и вражды не воздвизай, но имеем брань на бесы и на врагы наша, на неверныа языки* (Ник., с. 204). Призыв князей к объединению является характерным для древнерусской литературы периода раздробленности славянских земель, когда княжества были ослаблены междоусобными войнами. Это отражает настроение книжника, его стремление передать следующую мысль: каждый князь должен управлять только своей вотчиной и не покушаться на другие уделы, необходимо объединиться в борьбе на «неверные языки». Этот порядок миросуществования устанавливался не одно десятилетие, и нарушать его не стоит.

Можно отметить сходство этого текста с летописным рассказом в Никоновском своде об убийстве Глебом Рязанским своих братьев в селе Исады в 1217 г. Упоминание дьявола и призыв к мирной жизни присутствуют в обоих текстах, которые объединяет мотив междоусобных войн близких родственников

в Рязанском княжестве. В обоих случаях цель «списателя» – призвать князей к миру и согласию во имя процветания родной земли.

Текст Никоновской летописи, скорее всего, принадлежит рязанскому книжнику, о чём свидетельствуют подробный перечень убитых, конкретизация места и даты сражения, упоминание *он же бежа за Оку реку* относительно князя Фёдора Ольговича (следовательно, известие было записано на рязанской стороне Оки). А.Г. Кузьмин отмечал оригинальность тверской повести, указывая на основательную осведомлённость и заинтересованность автора в происшедшем [1, с. 252]. Согласно его мнению, повесть была записана по воспоминаниям одного из участников битвы, сторонника пронского князя. Из того, что рязанский берег Осётра назван *оним*, противоположным, исследователь делает вывод: текст написан в княжеских центрах, расположенных к западу от этой реки (в Москве или Твери), или в каких-нибудь монастырях на берегу Оки.

В отличие от Никоновского свода, Ермолинская, Симеоновская, Воскресенская и Львовская летописи сообщают об этом событии в кратком летописном рассказе, схожем по содержанию с описанием битвы на реке Смядв в Никоновской летописи, а перечисление погибших заимствовано из Тверской летописи. О мире рязанских князей книжник лишь упоминает: *Того же лета и помиришася князи Рязанстии, Феодоръ съ Иваномъ* (Сим., с. 222). Новгородские летописи, Софийская I летопись старшего извода и Рогожский летописец вовсе умалчивают об этих битвах.

Обращает на себя внимание рукопись Симеоновской летописи, в которой имеется киноварное заглавие *«О изгнаны великаго князя феодора олговичя рязанскаго отъ пронскаго князя ивана володимеричя»*: оно чётко передаёт суть летописного известия, книжник не симпатизирует ни одной из сторон. А.А. Шахматов первым обратил внимание на выделение большинства рязанских событий киноварными заглавиями в тексте или на полях [17, с. 452]. Заголовки непосредственно в текстах или на полях рукописи – обычное явление для летописных сборников конца XV – XVI в., таким образом летописец помечал важнейшие события. Однако в Симеоновской летописи они отличаются от обычных киноварных заметок. А.Г. Кузьмин выявил две тенденции выделения текстов: во-первых, интерес к церковной тематике (*«Обновление церкви»*, *«О церкви Суздальстии»*, *«О иконе святого Дмитриа»*, *«О пострижении въ чернци»*) и, во-вторых, внимание к рязанским событиям (*«О победе на рязанские князи»*, *«Съвкупися Всеволодь съ Рязанскими князи на Болгары»*, *«Убиение великаго князя Олгова Инваровичя Рязанскаго»*, *«Даль царь великое княжение рязанское князю ярославу пронскому»*, *«Побиша князи рязанстии татаръ»*).

Киноварные заглавия, посвящённые рязанской тематике, преобладают в летописных статьях конца XII – середины XIII в. и середины XIV – середины XV в. Сложно объяснить такой выбор, многие важные рязанские события остаются без заголовков, а менее значимые для истории, но соответствующие церковной тематике книжник выделяет. Не исключено, что он имел непосредственное отношение к Церкви [1, с. 17].

Описание битв на реках Осётр и Смядв прочитывается в общерусских сводах с разной степенью подробности, примечательно деталями, уточняющими географическое положение (*на оном берегу Оки*) и риторическими сентенциями,

содержащимися в Тверском сборнике и Никоновской летописи. Многочисленные сравнения и эпитеты агиографического характера наводят на мысль о церковном происхождении книжника, для которого данная летописная повесть – не первое литературное произведение.

Заключение

Анализ описаний рассматриваемых сражений, составляющих рязанский текст, подтверждает существование утерянной ныне Рязанской летописи. Местные книжники отличались серьёзным подходом к созданию летописного известия: ни одна деталь не ускользала от пера «писателя». Так, в пространном рассказе о схватке под Шишевским лесом на реке Воине даётся предыстория сражения и точно локализуется место боя. В летописной воинской повести о битве на реке Воже появляется рассказ о пленении некоего попа, пришедшего из Орды, что вызывало у современников литературные ассоциации с Даниилом Заточником и его похождениями. Повествование о сражениях на реках Осётр и Смядва книжник насыщает риторическими отступлениями и патриотическими призывами, тем самым подчёркивая основную идею средневековых произведений XIII – XV вв. – прекращение княжеских междоусобиц.

Данные летописные эпизоды объединяет стилевое своеобразие: экспрессивное расширение воинских формул, стремление усложнить синтаксические конструкции, нарочитый динамизм повествования за счёт пространных однородных рядов с глагольными формами, порядок которых неслучаен: именно в последнем однородном члене сосредоточена авторская мысль. Проанализированный текст середины XIV – начала XV в., повествующий о рязанских сражениях с внешним врагом и внутри княжества, даёт представление о художественно-образительной специфике рязанской летописной традиции, восстанавливаемой по общерусским сводам.

Summary

I.V. Denisova. The Ryazan Battles in the Chronicle Tradition of Old Russia.

In this article, we analyse the fictional representation of the Ryazan battles in the chronicle tradition of Old Russia. We present comparative descriptions of the battles of 1365, 1378 and 1408 based on all-Russian chronicles compiled at different times and in different places. We also single out a number of poetic features of the Ryazan chronicle writing, such as broadening of military formulas, expressivity of narration, complication of syntactic constructions, etc. The analysis of the texts under consideration proves the existence of the Ryazan chronicle that has not survived to the present day.

Keywords: Old Russian literature, chronicle poetics, worldview of a scribe in Old Russia, all-Russian chronicles, Ryazan chronicle writing.

Источники

Ник. – Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1965. – Т. 11: Сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – 254 с.

- Соф. – Полное собрание русских летописей. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – Т. 6: Софийская I летопись старшего извода. – 581 с.
- Ерм. – Русские летописи. – Рязань: Наше время, 2000. – Т. 7: Ермолинская летопись. Родословная книга. – 554 с.
- Воскр. – Русские летописи. – Рязань: Узорочье, 1998. – Т. 3: Воскресенская летопись. – 615 с.
- Р.Тв. – Русские летописи. – Рязань: Наше время, 1998. – Т. 6: Рогожский летописец. Тверская летопись. – 606 с.
- Сим. – Русские летописи. – Рязань: Узорочье, 1997. – Т. 1: Симеоновская летопись. – 636 с.
- Новг. – Русские летописи. – Рязань: Александрия, Узорочье, 2001. – Т. 10: Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. – 639 с.

Литература

1. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. – М.: Наука, 1965. – 286 с.
2. Монгайт А.Л. Рязанская земля. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 400 с.
3. Денисова И.В. К проблеме рязанского летописания // Эстетико-художественное пространство мировой литературы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения» (15 мая 2012 г.). – М. – Ярославль: Ремдер, 2012. – С. 32–37.
4. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков – М.: Наука, 1980. – 312 с.
5. Иловыйский Д.И. История Рязанского княжества. – Рязань: Земля Рязанская, 1990. – 220 с.
6. Данилевский И.Н. Исторические источники XI – XVII вв. // Источниковедение: Теория. История. Методические источники российской истории. – М.: Изд-во РГГУ, 2004. – С. 216–303.
7. Конявская Е.Л. Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2000. – № 2. – С. 65–75.
8. Трофимова Н.В. Повесть о битве на Скорнищеве в летописании XV – XVI веков // Рус. речь. – 2008. – № 3. – С. 75–80.
9. Трофимова Н.В. Повесть о Мустафе-царевиче // Рус. речь. – 2010. – № 2. – С. 69–73.
10. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. – М.: Наука, 1969. – 555 с.
11. Лихачёв Д.С. Предвозрождение в литературе // Лихачёв Д.С. Избранные работы: в 3 т. – Л.: Наука, 1987. – Т. 1. – С. 154–175.
12. Трофимова Н.В. «И бысть сеча зла и ужасна...» (эпитеты начала битвы в летописях) // Рус. речь. – 2010. – № 1. – С. 69–75.
13. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV – XV вв. – Л.: Наука, 1976. – 283 с.
14. Дёмин А.С. Из истории древнерусского литературного творчества XV – XVI вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 12. – М.: Знак, 2005. – С. 604–657.
15. Денисова И.В. Летописный миф об Олеге Рязанском («Повесть о нашествии Тохтамышша») // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. – 2012. – № 4 (37). – С. 83–90.
16. Решетова А.А., Тополова О.С. О рязанских реалиях в «Хождении Игнатия Смольнянина» // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. – 2012. – № 2 (35). – С. 76–93.

17. *Шахматов А.А.* Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. // Изв. Отделения русского языка и словесности. – СПб., 1900. – Т. 5, кн. 2. – С. 451–553.

Поступила в редакцию
15.09.13

Денисова Инна Васильевна – лаборант-исследователь Музея академика И.И. Срезневского, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Россия.
E-mail: *i.denisova@rsu.edu.ru*